

Спенсер Герберт

Социальная статика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г37

Г37 **Герберт С.**
Социальная статика / Спенсер Герберт – М.: Книга по Требованию, 2022. –
477 с.

ISBN 978-5-519-75075-2

Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества

ISBN 978-5-519-75075-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следуетъ читать:</i>
34	сверху	26	чувствомъ,
34	»	27	выводами
82	»	8	способности
162	»	10	утверждаютъ,
163	»	37	себя
238	»	16	предоставлено
276	»	10	— дѣателя,
279	»	35	защитали
294	»	10	подговорившихъ
296	въ заголовкѣ	ДОХОДОВЪ	ДОВОДОВЪ
307	сверху	4 — 5	христіанской ли,
316	»	30	работу В;
337	»	33	не трудная.
379	»	15	существа —
382	»	37	старого
384	въ заголовкѣ	КАКЪ СЛѢДОВАЛО	КАКЪ СЛѢДОВАЛО БЫ
389	въ заголовкѣ	ГИПЕРТОФІЯ	ГИПЕРТРОФІЯ
396	сверху	39	умагъ
410	»	3	какъ существо;
433	»	19	и, комбинаціи,
434	»	4	безконечнымъ
469	»	34	войствами
469	»	34 — 35	должны

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНІЮ.

Авторъ желаетъ, чтобы новое изданіе «Соціальной Статистики», которое выпускается теперь въ свѣтъ для американской публики, не принималось за вполнѣ точное выраженіе его настоящихъ взглядовъ на вещи. Ученіе, изложенное въ этомъ сочиненіи четырнадцать лѣтъ тому назадъ, при первоначальномъ его обнародованіи, значительно развилось въ сознаніи автора въ теченіе этого времени и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже видоизмѣнилось. Авторъ и въ настоящее время считаетъ справедливыми руководящія начала, развитыя на страницахъ этой книги, но онъ не во всѣхъ случаяхъ раздѣляетъ примѣненіе этихъ началъ въ частностяхъ.

Основные начала нравственности, изложенныя въ первой части и въ начальныхъ главахъ второй, онъ считаетъ только предварительнымъ очеркомъ того, что по его мнѣнію составляетъ сущность и истинный смыслъ нравственныхъ принциповъ. Во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ выводы развиты, они по существу вѣрны, но разработаны слишкомъ недостаточно и составляютъ только часть тѣхъ основаній, на которыхъ должна быть построена научная система этики.

Выводы, сдѣланные во второй части, почти во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ согласны съ современными взглядами автора; но еслибы ему

пришлось въ настоящее время излагать свои мысли по этимъ предметамъ. то онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выразилъ бы ихъ совершенно иначе. Въ особенности главы «о правахъ женщинъ» и «о правахъ дѣтей» подверглись бы такимъ измѣненіямъ, которыя, сохраняя положенія и выводы въ прежней ихъ силѣ, придали бы другой видъ ихъ логическому построению.

Тоже можно сказать и о выводахъ, сдѣланныхъ въ третьей части. Авторъ раздѣляетъ и до настоящаго времени выраженные въ ней общіе взгляды на политическія права, на государственныя отправленія и на предѣлы, въ которыхъ должна вращаться государственная дѣятельность. Но еслибы ему пришлось излагать все это вновь, онъ обратилъ бы несравненно больше вниманія на то, что всѣ политическія учрежденія имѣютъ только временное значеніе, и что вслѣдствіе этого нѣкоторыя изъ подобныхъ установленій, если и имѣютъ относительныя достоинства, то не могутъ имѣть никакихъ притязаній на абсолютное совершенство.

Если спросить автора, почему онъ не измѣнилъ своего сочиненія такъ, чтобы оно лучше выражало его современныя мнѣнія, ему останется отвѣтить, что онъ не могъ бы исполнить этого удовлетворительно не приложивъ къ нему такого количества труда, которое заставило бы его прекратить навремя свои работы надъ «Системою Философій». Если ему удастся достигнуть заключительныхъ томовъ этой системы, онъ разовѣсть въ нихъ выводы, относительно которыхъ «Соціальная Статика» будетъ только общимъ очеркомъ.

Лондонъ, 16 ноября 1864 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Тонъ и способъ изложенія, принятый мѣстами на послѣдующихъ страницахъ, можетъ-быть вызоветъ замѣчанія критикѣ, потому что онъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, не похожъ на предшествовавшія ему работы по тому же предмету. Исходъ дѣла покажетъ, благоразумно ли поступилъ авторъ, внося нововведенія въ сферу установленнаго прежними приемами. Онъ не отступалъ отъ стараго безъ достаточныхъ причинъ; и если онъ это дѣлалъ, то дѣлалъ именно въ томъ убѣжденіи, что книга предназначена имѣть вліяніе на дѣятельность людей, и что, слѣдовательно, самый лучший способъ для ея сочиненія тотъ, которымъ всего болѣе достигается такая цѣль.

Проявленія чувства, допущенныя мѣстами въ этомъ сочиненіи, могутъ непріятно поразить и показаться неумѣстными при чисто научномъ изложеніи; не слѣдуетъ однакоже упускать изъ виду, что на той ступени развитія, на которой мы находимся, люди рѣдко руководствуются исключительно логическими соображеніями. Соображенія эти, для того, чтобы произвести впечатлѣніе, должны быть подкрѣплены явными или скрытыми обращеніями къ чувству. Если обращенія къ чувству дополняютъ, но не замѣняютъ логическихъ выводовъ, то противъ нихъ нельзя сдѣлать никакого основательнаго возраженія. Читатель увидитъ,

что различные выводы, предложенные на его обсужденіе въ этомъ сочиненіи, имѣютъ въ своемъ основаніи исключительно общее и безличное мышленіе, и только съ этой точки зрѣнія они могутъ быть разсматриваемы. Если, для усиленія ихъ впечатлѣнія на большинство, дѣлаются здѣсь посредственныя обращенія къ его симпатіямъ, то этимъ не только не ослабляется, но скорѣе увеличивается сила аргументовъ.

Можетъ быть, легкое изложеніе, допущенное въ нѣкоторыхъ случаяхъ, будетъ признано несоотвѣтствующимъ важности предмета. Въ оправданіе такого приѣма можно сказать, что сухая статость и точность, принятая, по обычаю, въ философскихъ сочиненіяхъ, порождаетъ въ нихъ монотонность, неодолимую для большинства читателей. Авторъ согласенъ, что строгое изложеніе имѣетъ свои преимущества, но онъ предпочелъ пожертвовать отчасти этими достоинствами въ надеждѣ сдѣлать сочиненіе интереснымъ для большаго числа читателей.

Лондонъ, декабрь 1850 года.

ВВЕДЕНИЕ.

Утилитарная философія.

§ 1. «Дайте намъ руководителя, — кричать люди философу. — мы хотимъ вырваться изъ этой жалкой обстановки, среди которой мы погрязаемъ. Въ нашемъ воображеніи постоянно зарождаются образы лучшаго, и мы скорбимъ объ нихъ, но все наши усилія обратить ихъ въ дѣйствительность остаются безплодными. Намъ утомляютъ эти постоянныя ошибки; укажите намъ пути, которыми мы можемъ достигнуть исполненія нашихъ желаній.»

«Что полезно, то справедливо», — вотъ одинъ изъ послѣднихъ, въ числѣ многихъ, отвѣтовъ на этотъ призывъ.

«Совершенно вѣрно, — возражаютъ вопросители; — для божества справедливость и польза безъ сомнѣнія однозначная выраженія; но для насъ остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ, которое изъ нихъ предшествуетъ и которое должно служить выводомъ. Если согласиться съ вашимъ предположеніемъ, что справедливость составляетъ неизвѣстную величину, а польза — извѣстную и данную, то предложеніе ваше можетъ послужить дѣлу. Но въ томъ-то и бѣда, что горькій опытъ убѣдилъ насъ, что обѣ эти величины одинаково неизвѣстны и неопредѣленны.

Наконецъ, въ насъ зарождается подозрѣніе, что опредѣленіе справедливости даже легче, чѣмъ опредѣленіе пользы, и что удобнѣе было бы ваше предложеніе преобразить въ противоположное и выразить такъ: что справедливо, то полезно.»

«Держитесь правила наибольшаго счастья для наибольшаго числа людей»,—такъ разрѣшаетъ сомнѣніе другой авторитетъ.

Ему отвѣчаютъ, что «это, точно также какъ и предъидущее, нельзя даже вовсе и называть руководящимъ правиломъ; это скорѣе выраженіе задачи, подлежащей разрѣшенію. Ваше «наибольшее счастье»—это именно и есть то, что мы такъ долго и такъ безплодно разыскиваемъ; мы только не давали этого названія предмету нашихъ желаній. Вы не говорите намъ ничего новаго, вы только придумываете слова, чтобы выразить нашу потребность. То, что вы называете отвѣтомъ, это нашъ вопросъ, выраженный въ обратной формѣ. Если такова ваша философія, то она, безъ сомнѣнія, одно суетное и ничтожное разглагольствованіе; она не болѣе какъ эхо, повторяющее вопросы.»

«Имѣйте же немного терпѣнія,—возражаетъ моралистъ,—дайте мнѣ высказать мое мнѣніе о томъ, какимъ образомъ можно обезпечить наибольшее счастье за наибольшимъ числомъ изъ живущихъ.»

«Опять-таки вы не понимаете нашего требованія,—восклицаютъ возражающіе,—намъ нужны не личныя мнѣнія, а что-нибудь другое. Этими мнѣніями мы уже пресытились. Вся масса пустаго прожектерства касательно общаго блага была основана на личныхъ мнѣніяхъ; у насъ нѣтъ ни малѣйшей гарантіи, что вашъ планъ не прибавитъ новаго звена къ перечню прежнихъ ошибокъ. Придумали ли вы способъ для составленія безошибочнаго сужденія? Если нѣтъ, то мы видимъ одно, что вы настолько же пребываете во тьмѣ, насколько и мы. Совершенно справедливо, что вы приобрѣли болѣе ясный взглядъ на цѣль, къ которой мы должны стремиться; что же касается до пути, которымъ мы должны идти, то ваше предложеніе высказать мнѣніе показываетъ уже, что вы въ этомъ отношеніи не знаете ничего болѣе опредѣленнаго, чѣмъ мы. Мы сомнѣваемся въ вашемъ положеніи, потому что оно не заключаетъ въ себѣ того, въ чемъ мы нуждаемся, т. е. руководителя; мы сомнѣваемся въ немъ потому, что оно не указываетъ ни одного вѣрнаго способа для обезпеченія за нами предмета нашихъ стремленій; мы сомнѣваемся потому, что оно не создаетъ veto по отношенію къ ложной политикѣ; оно настолько же допускаетъ хорошій, насколько и дурной образъ дѣйствія, если только дѣйствующіе признаютъ его ведущимъ къ достиженію предписанной цѣли. Ваши ученія о пользѣ, объ об-

щемъ благи, о наибольшемъ счастіи наибольшаго числа людей не заключаютъ въ себѣ единообразнаго предписанія, удобнаго для примѣненія въ практической жизни. Пусть правители будутъ убѣждены, или съумѣютъ подать видъ, что они убѣждены, что ихъ мѣры послужатъ ко благу общества. и ваша философія останется нѣмою въ виду самаго крайняго безразсудства и самыхъ мрачныхъ преступленій. Это не можетъ насъ удовлетворить. Мы ищемъ ученія, которое бы намъ давало положительный отвѣтъ. когда мы спросимъ его о поступкѣ: «хорошо это или нѣтъ?» намъ не нужно міровоззрѣнія, которое бы намъ отвѣчало подобно вамъ: «да. это хорошо, если оно способно васъ облагодѣтельствовать». Мы вамъ будемъ благодарны, когда вы для насъ создадите именно то, чего мы ищемъ. когда вы намъ дадите аксіомы, изъ которыхъ мы въ состояніи будемъ выводить рядъ заключеній до тѣхъ поръ, пока съ математическою точностію не разрѣшимъ всѣ наши затрудненія. Если вы не въ состояніи дать намъ такого міровоззрѣнія, мы должны, будемъ искать его въ другомъ мѣстѣ.»

Въ свою защиту, философы говорятъ, что такое требованіе неблагоразумно. Они подвергаютъ сомнѣнію возможность научно-точныхъ правилъ нравственности. Независимо отъ этого они утверждаютъ, что ихъ система достаточна для практическихъ цѣлей. Они ясно опредѣляли цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться. Они изучили пространство, которое лежитъ между этой цѣлью и нами. Они полагаютъ, что отыскали лучшую дорогу. Наконецъ, они добровольно приняли на себя роль пионеровъ. Послѣ этого они думаютъ, что ими сдѣлано все, что можно отъ нихъ требовать, что критику оппозиціи они могутъ считать придиришкою и возраженія ея пустыми. Вникнемъ внимательно въ этотъ споръ.

§ 2. Правило, принципъ или аксіома имѣютъ значеніе только тогда, когда слова, которыми они выражены, заключаютъ въ себѣ точно опредѣленную мысль. Это справедливо даже и тогда, когда подобное правило или аксіома будутъ удовлетворительны въ другихъ отношеніяхъ. Выраженія, употребленныя въ этомъ случаѣ, должны имѣть въ языкѣ точный и притомъ одинъ и тотъ же всѣми признанный смыслъ; въ противномъ случаѣ предложеніе будетъ подвержено столькимъ разнообразнымъ толкованіямъ, что оно утратитъ всякое право называться правиломъ. Такимъ образомъ, когда философъ провозглашалъ правило «наибольшаго счастія для наибольшаго числа живущихъ» и признавалъ его руководителемъ общественной нравственности, то онъ долженъ былъ предполагать, что понятіе «наибольшаго счастія» опредѣляется всѣмъ членствомъ единообразно и точно.

Такое предположеніе однакоже заключало въ себѣ одну изъ самыхъ злополучныхъ ошибокъ; мѣрка, которою люди мѣряютъ счастіе, безконечно разнообразна, — это фактъ, доказанный самымъ осязательнымъ образомъ. Во все времена, между всеми народами и у каждаго класса людей на этотъ предметъ существовали свои особые взгляды. Для странствующаго цыгана домашній очагъ осѣдлаго человѣка скученъ и отвратителенъ; швейцарецъ былъ бы несчастливъ безъ такого очага. Прогрессъ необходимъ для благополучія англосаксонца; эскимось доволенъ своею грязною бѣдностію, не имѣетъ никакихъ дальнѣйшихъ желаній и остается тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ во времена Тацита. Ирландецъ находитъ удовольствіе въ строю; китайцу нужны процессіи и церемоніи; вялый и апатичный житель Явы приходитъ въ шумный восторгъ при видѣ пѣтушьяго боя. Рай еврея — это «градъ, наполненный златомъ и драгоценными камнями, обладающій сверхъестественнымъ изобиліемъ въ хлѣбѣ и винѣ»; рай турка — это гаремъ, обитаемый гуріями; рай краснокожаго Америки — это «благодатная для охоты мѣстность»; въ скандинавскомъ раю каждый день сраженіе, и раны излечиваются чудотворною силою; австраліецъ надѣется, что послѣ смерти онъ «обгонитъ бѣлаго и будетъ имѣть множество мелкой монеты». Если мы отъ народовъ перейдемъ къ отдѣльнымъ личностямъ, то увидимъ, что Людовикъ XVI признавалъ «высшимъ счастіемъ» размышлять за механическимъ занятіемъ; а его преемникъ считалъ такимъ счастіемъ — читать, создавая имперіи. Ликургъ находилъ, что для человѣческаго счастія болѣе всего необходимо политическое физическое развитіе; Плотинъ, напротивъ, былъ дотого идеаленъ въ своихъ стремленіяхъ, что стыдился своего тѣла. Множество противорѣчащихъ отвѣтовъ, данныхъ греческими мыслителями на вопросъ о томъ, въ чемъ заключается счастіе, подавало поводъ къ устарѣвшимъ и опошлѣвшимъ нынѣ сравненіямъ. Но и теперь мы не находимъ между нами въ этомъ отношеніи большаго единомыслія. Для скупаго Эльва копить деньги составляло единственную радость жизни; Дэй, челоѣколюбивый авторъ «Сандфорда и Мертона», находилъ въ раздачѣ денегъ единственное пріятное изъ нихъ употребленіе. Сельское уединеніе, книги и другъ составляють пожеланія поэта; хлыщъ стремится напротивъ къ обширному кругу знатныхъ знакомыхъ, къ ложѣ въ оперѣ. Стремленія купца и артиста менѣе всего похожи другъ на друга; еслибы мы сравнили воздушные замки философа и земледѣльца, мы бы нашли большую разницу въ ихъ архитектурѣ.

Обобщая эти факты, мы найдемъ, что личная мѣра «наибольшаго счастія» имѣетъ такъ же мало опредѣленнаго, какъ и другія проявленія